

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Концептуальная и институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации

Позднышов А.Н., Москаленко С.Г.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая ул., д. 69
diana.rasulova-d@yandex.ru; moscalenko1963@mail.ru

Аннотация. Правозащитная деятельность в Российской Федерации как функция публичных органов Российской Федерации и как особый тип активности институтов гражданского общества трансформировалась в приоритетный фактор обеспечения стабильности и эффективности развития страны. Основной проблемой, требующей исследования, является корреляция концептуального и организационно-институционального аспектов правозащитной деятельности. В современном мире в целом и в России в частности со всей очевидностью обнаруживается пробел адекватной новым реалиям концептуальной модификации как доктрины прав и свобод человека, так и адекватных ей институциональных форм кооперации граждан и институтов гражданского общества друг с другом и с государством. В исследовании определена специфика современного состояния концепции прав человека в России и ее институционального контекста, выявлены характерные для России сочетание универсализма и регионализма, соотношение иерархии и баланса типов суверенитетов, определены причины доминирования публичного элемента в процессе институционального обеспечения правозащитной деятельности. В результате исследования авторы приходят к выводу, что кризисные процессы в современном мире требуют не отказа от концепции универсальных прав человека, являющейся одним из важнейших достижений цивилизационного развития человечества, а корректировки их концептуальной рецепции в России, определенной модификации их каталога с учетом культурно-исторической самобытности эволюции российской государственности, многовекового государственного строительства, отразившихся и на структурно-институциональной специфике правозащитной деятельности.

Ключевые слова: права и свободы человека, суверенитет, государство, обязанность, защита, правоприменение, гражданское общество, правовой механизм

Для цитирования: Позднышов А.Н., Москаленко С.Г. 2024. Концептуальная и институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 544–552. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Conceptual and Institutional Specifics of Human Rights Activities in the Russian Federation

Alexey N. Pozdnyshov, Sergey G. Moskalenko

Rostov State University of Economics
69 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
diana.rasulova-d@yandex.ru; moscalenko1963@mail.ru

Abstract. Human rights activities in the Russian Federation as a function of public bodies of the Russian Federation and as a special type of activity of civil society institutions have transformed into a priority factor in ensuring stability and effective development of the country. The main problem requiring research is the correlation of conceptual and organizational and institutional aspects of human rights

activities. In the modern world as a whole and in Russia in particular, there is clearly a gap in the conceptual modification of both the doctrine of human rights and freedoms and the institutional forms of cooperation between citizens and civil society institutions with each other and with the state that are adequate to the new realities. The article defines the specifics of the current state of the human rights concept in Russia and its institutional context, identifies the combination of universalism and regionalism characteristic of Russia, the ratio of hierarchy and balance of types of sovereignty, determines the reasons for the dominance of the public element in the process of institutional support of human rights activities. As a result of the study, the authors conclude that the crisis processes in the modern world do not require abandoning the concept of universal human rights which is one of the most important achievements of the civilizational development of mankind, but reveal the need to correct their conceptual reception in Russia, a certain modification of their catalog, taking into account the cultural and historical identity of the evolution of Russian statehood, and centuries-long formation of the state, that have also reflected on the structural and institutional specifics of human rights activities.

Keywords: human rights and freedoms, sovereignty, states, duty, protection, law enforcement, civil society, legal mechanism

For citation: Pozdnyshov A.N., Moskalenko S.G. 2024. Conceptual and Institutional Specifics of Human Rights Activities in the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 544–552 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Введение

Основы конституционного строя современных государств, нормативно-правовое обоснование легитимности власти, взаимодействия государственных институтов и граждан оказались генетически связаны с идеей и конструктивным функционалом концепции прав и свобод человека главным образом первой (XVIII–XIX вв.) и второй («красной») волн по периодизации развития доктрины прав человека, предложенной Карелом Васаком [Олейник Н.Н., Олейник А.Н., 2015].

Каталог прав и свобод человека в достаточно стандартном формате имплементирован практически во все конституции государств мира и воспринимается до сих пор как незыблемая аксиоматическая и презумпционно-принципиальная основа современного правопорядка. Тем не менее проблематика концептуализации прав человека, формирование ее архитектуры, характер институционализации правозащитной деятельности остаются дискуссионными по всем своим основополагающим элементам.

Отечественное правоведение внесло значительный вклад в исследования специфики концептуализации и институционализации прав человека в России [Карташкин, 1999; Мархгейм, 2006; Голованев, 2007; Витрук, 2008; Гриб, 2018; Москалькова, 2021]. Ученые, систематизирующие различные аспекты проблематики прав человека, форм и субъектов правоотношений по их защите, установили специфику концептуальной рецепции прав человека: необходимость региональной коррекции универсализма, выяснение степени «жесткости» нормативно-регулятивного статуса прав человека в международном и внутреннем праве [Мурзова, 2010; Шумилова, 2010; Олейник, 2015; Аксеноф, 2018], потребность в разработке надежных оснований для адекватной классификации при формировании каталога [Стремоухов, 2014а].

Все многообразие позиций в современном правопонимании в данной области так или иначе сводится либо к признанию наличия константных, унифицированных, универсальных («естественных»), «прирожденных» [Стремоухов, 2006, с. 201–213; Стремоухов, 2014, с. 88] прав человека, являющихся верховными началами права, доминирующими над суверенитетом государства и позитивным правом, либо к имплицитному ситуационному нормативно-регулятивному прагматизму при радикально-нормативистском понимании права, редукции его к сумме действующих на данный момент времени нормативно-правовых актов. В фундаменте легализованной в конституционном праве России концепции, как и в конституционном праве стандартных современных демократий, закреплено иерархическое соотношение принципов

суверенитета человека с его неотъемлемыми правами и свободами и суверенитета государства. Такое иерархическое соотношение прав человека и государства, прав человека и позитивного права было закреплено во Всеобщей Декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций¹. Конституция Российской Федерации устанавливает безусловное приоритетное аксиологическое преимущество достоинства человека с присущими ему от природы естественными правами и свободами над интересами государства, над позитивным правом, а в качестве главной конституционной обязанности государства постулируются задачи признания, обеспечения и защиты этих прав².

В конце XX века обозначился явный и в целом избыточный приоритет универалистского понимания прав человека в идейно-теоретическом и прагматически-функциональном аспектах над государственными интересами России, что стимулировало усиленное изучение соотношения проблематики верховенства прав человека в исходной и получившей глобальное распространение англо-саксонской интерпретации с задачей сохранения и укрепления суверенного развития российского государства.

Основные концептуальные проблемы, прямо связанные с состоянием современной доктрины прав человека, следующие: во-первых, это проблема интерпретации универсализма прав человека; во-вторых, это проблема гораздо более высокой степени политизации и идеологизации этой доктрины в современном мире, чем предполагалось во время принятия Всеобщей Декларации 1948 г.; в-третьих, это проблема расширения каталога прав человека в рамках изменений доктрины и номенклатуры ее элементов в духе «третьей волны» в развитии прав человека.

Корректное по академическим критериям исследование проблематики правозащитной деятельности и его концептуальной основы – доктрины прав человека – предполагает широкое использование компаративистского инструментария, позволяющего посредством использования аналогий концептуального и институционального обеспечения прав человека и правозащитной деятельности в мировом опыте добиться максимально адекватных современным требованиям представлений о положении дел в этой области в современной России, о специфических чертах задач, стоящих перед государством и обществом на текущем этапе развития страны.

Специфика концептуализации прав человека в современной России

Правозащитные организации, являясь третьим типом элементов гражданского общества, исходят из сакрализованного универсализма прав человека и натуралистического правопонимания. Такое правопонимание, базирующееся на вере в «естественный приоритет» универсальных прав человека, по которым может унифицировано жить весь мир, над позитивным правом, во многом аналогично религиозной вере. Оппонирующие натуралистам юридические позитивисты или «реалисты» исходят из интересов и приоритета государства в формировании и функционировании всей системы права. Эти концептуальные подходы трудно совместимы и в России, и в мире, что проявляется практически ежедневно как в международных отношениях, так и во внутреннем праве, где наблюдается и апеллирование к универсальным принципам прав человека, и следование исключительно государственным интересам.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998, 10 декабря.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

Специфической чертой современной концептуализации прав и свобод человека в России является попытка решения трех сложнейших задач: совмещение позитивного потенциала концептуализации прав человека в западном правовом развитии, опыта СССР по утверждению социально-экономического блока в каталоге прав человека, сохранение приоритета государственного суверенитета с установкой на более выверенный баланс между суверенитетом человека и суверенитетом государства в современной России. Сейчас наблюдаются явное смещение акцента концептуализации: если четырнадцать лет назад появление региональных хартий по правам человека (Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 4 ноября 1950 г., Американской конвенция о правах человека 22 ноября 1969 г., Африканской хартии прав человека и народов (26 июня 1981 г.), Исламской декларация прав человека (1990 г.); Арабской хартии прав человека и народа в арабском мире (1994 г.)) трактовалось в отечественном правоведении как рост признания универсального их каталога во всем мире, что «еще раз подчеркнуло органическую включенность прав человека в культуру, религию, традиции, образ жизни стран различных регионов мира» [Мурзова, Шумилова, 2010, с. 91], то со временем, с приближением к современным условиям этот же факт интерпретируется скорее как реакция на негативные аспекты чрезмерной универсализации и унификации этой проблематики [Аксенов, 2018, с. 59].

Концепция прав человека и институты, сформированные для обеспечения прав и свобод человека в современном мире после второй мировой войны, нередко стали использоваться ведущими государствами как средства разрушительных по потенциалу внешних инспираций, инструменты опасного конфликтогенного влияния на внутренние дела других, по каким-то причинам воспринимаемых некомплиментарными, государств. Концепция прав человека во Всеобщей Декларации 1948 года, как и ряд детализирующих ее содержание пактов и протоколов к ним после Второй мировой войны, утверждались на принципе взаимного уважения государств, невмешательства во внутренние дела друг друга, на пафосе борьбы с тиранией и угнетением, но ни закрепление ее контента в архитектуре институтов прав человека, ни попытки распространения практики подведения под унифицированный каталог прав человека и универсальные доктринальные критерии характеристик многих государств планеты, не смогли защитить права жителей Донбасса, не смогли противодействовать нацификации Украины.

Теперь требуются уже не просто корректировки, а точная диагностика и известное переосмысление классических юридических концептуальных конструкций, в число которых доктрина прав человека входит всем своим объемом. Весь мир втягивается в новый виток своеобразной концептуальной революции в связи с актуализацией третьей («зеленой») волны доктринализации прав и свобод человека, волны так называемой солидарности с попытками ее расширения за счет, местами весьма небесспорных, элементов формирующегося нового стандарта каталога прав человека (чайлд-фри, феминизм, эвтаназия, гендерная проблематика и т.п.).

Основной специфической чертой современного прочтения проблематики прав человека и теснейшим образом связанной с ней правоприменительной деятельностью в России является попытка синтеза метаправового пафоса доктрины прав человека, конвенционально признанной в международном праве (то есть в универсалистском типе ее понимания) с практикой ее реализации на основе прагматической корректировки доктрины в сторону приоритетного обеспечения суверенитета государства как более адекватного потребностям и интересам России на основе учета специфики ее длительной государственной и правовой эволюции. В Послании к Федеральному Собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина главными и основополагающими задачами развития страны названы «безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы»¹.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.02.2023 // Российская газета, 2023, 22 февраля.

Если на заре существования доктрины прав человека ее историческая роль заключалась в преодолении феодального партикуляризма и произвола, то в современных условиях при политизированном использовании права человека превращаются в декорацию или просто отбрасываются при решении империалистических задач государствами, претендующими на мировую гегемонию.

Российская Федерация инициировала акцентирование внимания на проблематике приоритета суверенитета, юридическом «реализме», праве сопротивления государства как публично-правовой организации граждан внешнему вмешательству и порабощению, для которого требуется детализированная концептуализация суверенитета как части проблематики прав человека. Прекращение использования идеологии прав человека как средства осуществления и оправдания любых форм внешней экспансии трансформировалось в актуальную прагматическую политико-правовую задачу. На концептуальном уровне обострилась необходимость разработки и утверждения, помимо права государства на суверенитет, также и права человека на традиционный уклад жизни. Это очень актуально не только для современной России, но и для арабского, африканского, азиатского регионов мира. Необходимо отказаться от деления прав человека на относящиеся к прогрессивному каталогу и к архаичному, «реакционному» перечню, так как это легко превращается в реестры претензий к государствам и в ультимативные предложения для вмешательства во внутренние дела.

Институциональная специфика правозащитной деятельности в современной России

Правозащитная деятельность понимается конвенционально во всем мире как неразрывно связанная с проблематикой защиты прав человека. В процессе правозащитной деятельности пропагандируются или отстаиваются права человека мирными легальными средствами (индивидуально или в кооперации граждан), – здесь наблюдается достаточно унифицированное единодушие.

Если в концептуальном отношении правозащитная деятельность органически связана с доктриной прав и свобод человека, то в институциональном аспекте она акцентированно коррелирует с гражданским обществом. Поэтому правозащитная деятельность воспринимается как институционализированная в рамках гражданского общества активность по обеспечению соблюдения прав человека, как деятельность по практической реализации современной доктрины естественности прав человека, исходящую из признания их приоритета.

Институциональная специфика правозащитной деятельности в России выражена гораздо более отчетливо, чем концептуальная. Концептуально российские правозащитники ничего не добавляют от себя, а лишь воспроизводят универалистскую доктрину прав человека. В области практической проекции этой доктрины на реалии конкретной правовой и социально-политической ситуации в России специфика проявляется с более отчетливой прорисовкой, с гораздо большей степенью влияния культурно-исторической инерции.

Понятие «гражданское общество» трактуется в современной России при всей его многозначности более или менее аналогично западной традиции. И там, и у нас остается в силе традиция включать в гражданское общество разнообразные негосударственные объединения граждан, сводящиеся к трем типам (объединения для реализации частных некоммерческих интересов; объединения, отстаивающие социальные интересы более широкого охвата; объединения для правозащитной деятельности). Со временем в западной практике из номенклатуры институтов гражданского общества исключались коммерческие сообщества и явления, относящиеся к государственности. В России, напротив, к трем традиционным элементам гражданского общества, признаваемым в западной традиции, добавился специфический четвертый институциональный

(инфраструктурный) элемент, характерный для истории и актуального состояния современной России и представляющий из себя государственные органы, созданные для развития гражданского общества и внедрения соответствующих механизмов в практику государства [Голованцев, 2007, с. 12–19; Карташкин, 1999, с. 4–9; Мархгейм, 2006, с. 28].

Эмпирическое разнообразие институтов гражданского общества и после такого сужения охвата в современном социуме огромно и включает в себя организации и массовые движения, созданные как для устойчивой долговременной деятельности, так и для единичных кратковременных акций. Институциональные формы гражданского общества чрезвычайно разнообразны, организации, группы, объединения гражданского общества добиваются улучшения условий труда, каких-то аспектов повседневной жизни широких масс населения, реагируют на разрушение экологической среды, стараются изменить отношение публичной сферы к гражданским институциям, борются за соблюдение прав и свобод человека в заявленном каталоге. Со временем наиболее конвенциональным стало понимание гражданского общества как всей совокупности негосударственных и некоммерческих объединений граждан для обеспечения и защиты своих частных интересов и той части публичных интересов, которые в той или иной степени игнорируются государственными или экономическими институтами. Архитектура отношений государства с личностью и гражданским обществом конвенционально определена и институционально закреплена в Конституции Российской Федерации. Институты гражданского общества включены в основы конституционного строя, а эффективность и аксиологический статус современного российского государства его основным законом прочно увязаны с реальной функциональностью гражданского общества. Концептуально-теоретически важность кооперации гражданского общества с государством непрерывно подчеркивается в важнейших нормативно-правовых актах, политических документах. В России основная масса объединений гражданского общества создается для реализации частных потребностей и обеспечения частных интересов в тех областях жизни, куда «не дотягивается» государство. Гораздо меньше объединений гражданского общества отстаивают внешние интересы, выходящие за рамки частных (экологические, связанные с культурным наследием, благотворительные). Непосредственно правозащитной деятельностью занимаются специально для этого создаваемые такие институты гражданского общества, как неправительственные правозащитные организации (защита частных интересов от чрезмерной власти самого государства, оказание юридической помощи отдельным гражданам, группам граждан и содействия в восстановлении и реализации их прав).

Специфическую роль и особое значение в России приобрели так называемые инфраструктурные организации для обеспечения самой возможности реального функционирования гражданского общества, развития его институтов и внедрения определенных механизмов защиты гражданского общества в практику государства (государственные институты федеральных и региональных уполномоченных по правам человека (омбудсменов) [Москалькова, 2021]; уполномоченных по правам ребенка (детских омбудсменов); уполномоченных по защите прав предпринимателей (бизнесомбудсменов); Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека; Общественная палата Российской Федерации; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации; общественные наблюдательные комиссии; общественная экспертиза проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, проектов иных нормативных правовых актов)¹.

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011; федеральные законы от 19.05.1995

Понятие «неправительственные правозащитные организации» при широчайшем использовании в публично-правовой и политической сферах современной России не имеет легального нормативного закрепления. По своей правовой природе неправительственные правозащитные организации являются разновидностью общественных объединений, создаваемых по индивидуальной или групповой инициативе граждан «снизу». Их деятельность по достижению своей основной стратегической цели – защиты прав и свобод человека не имеет коммерческого характера, а имущество формируется за счет вступительных и членских взносов, разнообразных пожертвований от физических и юридических лиц и иных источников (грантов, получаемых внутри страны и от международных структур). Правозащитные организации подчеркнута дистанцированы от политической деятельности, кооперации с политическими партиями или политическими движениями, внешних недружественных политических инспираций; они могут в области защиты прав человека выбирать как сотрудничество с государственными органами, так и свободу от такого влияния для решения уставных задач.

Таким образом, институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации, связана в первую очередь с выраженной активностью государства в создании и инфраструктурном организационно-нормативном обеспечении функционирования институтов гражданского общества. Если западный мир формировал эти институты снизу как средства воздействия частной инициативы на публичную власть и как формы защиты этой инициативы от государственной власти, то в условиях России государство вынуждено формировать институциональную оболочку гражданского общества сверху вниз. То есть в наших условиях государство само создает для граждан возможность защиты от государственных же органов власти в конфликтных ситуациях с помощью легальных институтов и в легальном поле. Государство обеспечивает подлинно цивилизованные формы правозащитной деятельности, блокирует негативные тенденции криминализации неправительственных правозащитных организаций, трансформации их в коммерческие группы, подменяющие интересы защиты прав человека борьбой с конкурентами за коммерческие цели, выгодные гранты и т.п. Четвертый тип организаций для правозащитной деятельности, являющийся российским специфическим вкладом в процесс формирования гражданского общества¹, обеспечивает весь кейс задач для деятельной защиты прав человека – от мониторинга их соблюдения до организации адекватного правового просвещения граждан через систему образования и средства массовой информации. В этом заключается важнейшая специфическая черта формирования и функционирования институтов гражданского общества в России. В силу интерференции множества исторических факторов роль государства в России в этом процессе стала заключаться не только в обеспечении инфраструктурной оболочки, но и в прямом осуществлении функций гражданского общества для компенсации его эмбриональности и формирования необходимых институциональных предпосылок для его подлинно цивилизованного развития.

№ 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277; от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789; от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305; от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3852; от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8427; от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640 и др.

¹ Сунгуров А.Ю. 2007. Гражданское общество и его развитие в России. Учебное пособие. СПб, ЮТАС, СПб филиал ГУ-ВШЭ. С. 11–16.

Заключение

В результате исследования установлено, что модификации концептуализации прав человека как теоретической основы правозащитной деятельности могут и должны быть осуществлены с учетом особенностей развития России политико-правового и культурно-исторического характера. Помимо этого, в интересах сохранения суверенитета государства России требуется отстаивание на всех уровнях и всеми средствами подлинного универсализма прав человека, их настоящей унификации, означающие появление реального единого стандарта для всех субъектов международных отношений.

Это огромная по сложности и важности задача: трансформация как доктрины прав человека, так и практики ее реализации применительно к уникальным условиям современной России. Это фактически важнейший вид международного сотрудничества, и от его результата зависит в первую очередь, будет ли найден конвенциональный консенсус, будет ли будущее всего человечества гармоничным и мирным, будет ли доминировать сила права или в мире станет преобладать право силы.

В области институционализации правозащитной деятельности общественных организаций, государственных органов, специализированных на правозащитных функциях, России необходимо последовательное использование собственного опыта государственного строительства и общественной жизни.

Список литературы

- Аксенов А.Б. 2018. Всеобщая Декларация прав человека и проблема универсализации прав человека. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 59–62.
- Витрук Н.В. 2008. Общая теория правового положения личности. М., Норма. 448 с.
- Гриб В.В. 2018. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД*, 1(41): 48–57. DOI 10.24411/2078-5356-2018-00006.
- Голованцев И.В. 2007. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод. *Административное право и процесс*, 4: 6–9.
- Карташкин В.А. 1999. Механизм защиты прав человека. *Журнал российского права*, 3-4: 6–11.
- Мархгейм М.В. 2006. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 111 с.
- Москалькова Т.Н. 2021. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, 10: 23–44. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.023-044.
- Олейник Н.Н., Олейник А.Н. 2015. Историческое развитие поколений «прав человека». *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 14(211): 120–128.
- Стремоухов А.В. 2006. Правовая защита человека. М., Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина. 324 с.
- Стремоухов А.В. 2014. Спорные аспекты классификации прав человека. *Ленинградский юридический журнал*, 1(35): 87–97.
- Стремоухов А.В. 2014а. Международные стандарты прав человека: определение и классификация. *Международное публичное и частное право*, 5 (80): 3–5.
- Шумилова Т.А., Мурзова М.А. 2010. Принцип всеобщности прав человека в условиях глобализации. *Вестник Поволжского института управления*, 1(22): 90–93.

References

- Aksyonov A.B. 2018. The Universal Declaration of Human Rights and the Problem of Universalization of Human Rights. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, 1: 59–62 (in Russian).
- Vitruk N.V. 2008. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [The general theory of the legal status of the individual]. M., Publ. Norma. 448 p.
- Grib V.V. 2018. Legal basis for human rights activities at the international and federal level. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(41): 48–57 (in Russian). DOI: 10.24411/2078-5356-2018-00006.

- Golovantsev I.V. 2007. Administrativno-pravovye sredstva formirovaniya pravovogo poryadka pri realizacii konstitucionnyh prav i svobod [Administrative and legal means of forming a legal order in the implementation of constitutional rights and freedoms]. *Administrative Law and Process*, 4: 6–9.
- Kartashkin V.A. 1999. Mekhanizm zashchity prav cheloveka [Human rights protection mechanism]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 3-4: 6–11.
- Markheim M.V. 2006. Pravezashchitnaya deyatel'nost' publicnyh struktur v Rossijskoj Federacii [Human rights activities of public structures in the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Publ. Rostizdat, 111 p.
- Moskalkova T.N. 2021. Institute of human rights commissioners: yesterday, today, tomorrow. *Courier of the Kutafin moscow state law university (MSAL)*, 10: 23–44 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.023-044.
- Oleinik N.N., Oleinik A.N. 2015. Historical development of generations of «human rights». *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 14(211): 120–128 (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2006. Pravovaya zashchita cheloveka [Legal protection of a person]. M., Publ. Izd-vo LGU im. A.S. Pushkina. 324 p. (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2014. Disputable aspects of classification of human rights. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*, 1 (35): 87–97 (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2014. International standards of human rights: definition and classification. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 5(80): 3–5 (in Russian).
- Shumilova T.A., Murzova M.A. 2010. Human Rights Universality Principle in Conditions of Globalization. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 1(22): 90–93 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.04.2024

Поступила после рецензирования 26.05.2024

Принята к публикации 26.06.2024

Received April 21, 2024

Revised May 26, 2024

Accepted June 26, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Alexey N. Pozdnyshov, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

Москаленко Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Sergey G. Moskalenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.